

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР»

SPEECH ACTIVITY IN CONTEXT LANGUAGE GAME METHODOLOGIES

E. Agafonov

Summary: The article analyzes the relationship between language, speech and speech activity based on the ideas of classical linguistics and modern philosophy. The concept of "language games" is considered as one of the leading directions in the non-classical philosophy of language and a methodological setting claiming to solve actual ontological and epistemological problems of the epistemological approach to understanding the relationship between language and speech.

Keywords: language, speech, speech activity, speech act, "language game", Wittgenstein L., Liotar J.-F., Apel K.-O., theory of knowledge, philosophy of language.

Агафонов Евгений Александрович

*К.ф.н., доцент, Вологодский институт права
и экономики ФСИИ России
evgenagafonov@inbox.ru*

Аннотация. в статье на основе идей классической лингвистики и современной философии проводится анализ взаимосвязи языка, речи и речевой деятельности. Концепция «языковых игр» рассматривается как одно из ведущих направлений в неклассической философии языка и методологическая установка, претендующая на решение актуальных онтологических и гносеологических проблем эпистемологического подхода к пониманию соотношения языка и речи.

Ключевые слова: язык, речь, речевая деятельность, речевой акт, «языковая игра», Витгенштейн Л., Лиотар Ж.-Ф., Апел К.-О., теория познания, философия языка.

Вопрос о нетождественности языка и речи считается одной из актуальных проблем современной философии и лингвистики. Так, еще В. Гумбольдт, определял язык как основное выражение интеллектуального потенциала человека, целенаправленную работу духа, которая «посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия» [1]. Поэтому, язык и интеллектуальная деятельность, согласно учению Гумбольдта, составляют единое неразрывное тождество. Связь мысли, органов речи и слуха с языком определяется уже самим строением природы человека, физиологическими особенностями его организма. Таким образом, речевая деятельность становится формой синтеза индивидуального субъективного восприятия с типичными природными задатками.

Соотношения языка и речи подробно рассматривались в работах Ф. де Соссюра, отношение, к взглядам которого в отечественной лингвистике было неоднозначным. С его точки зрения, речь является индивидуальным актом воли и понимания. Человек пользуется «языковым кодексом с целью выражения своих собственных мыслей» [2] на основе типичного психофизического механизма.

В психолингвистике [3] речевая деятельность рассматривалась как сумма актов говорения и самостоятельный вид человеческой активности, наряду с трудом, познанием или игрой. При этом подчеркивалось, что

протекающий в определённом времени разговорный акт, всегда облечён в звуковую или письменную форму. Естественный язык, возникший на определённом этапе и закономерно развивающийся, анализировался в качестве знаковой системы, реально используемой конкретным социумом. Поэтому, сущностным свойством языка объявлялась его социальная предназначённость.

Перечисленных подходов к истолкованию взаимосвязи языка, речи и речевой деятельности недостаточно, поэтому одним из направлений в философии XX в. стала концепция «языковых игр».

В игре как специфическом виде активности проявляется стремление человека к преодолению ограниченности собственного бытия, прорыв к истинному существованию и самовыражению. Субъект игры проявляет себя как «человек возможный» [4], свободой выбора разрушающий границы чувственной данности.

С точки зрения Л. Витгенштейна, в языковой сфере игрой становится использование выстроенных по определённым правилам на основе межличностного соглашения коммуникативных систем. Изначально они являются исходными лингвистическими формами, с которых начинается обучение языку, затем используются в качестве упрощённых моделей словоупотребления, последовательное усложнение которых демонстрирует динамику индивидуального прогресса в освоении языка. В таких языковых моделях Витгенштейн находит

«сложную сеть подобий... в большом и малом» [5], которые трактует как семейные сходства на подобии походки, черт лица и темперамента.

В дальнейшем Э. Шпрангер показал, что различные социокультурные формы существования обуславливаются своеобразием речевой практики языковых игр, соединяющей договорной и нормативный характер с непредсказуемостью её итога. В этом видится синтез объективного и субъективного, общего и индивидуального начал познания, деятельности и культуры в целом [6].

В модальной семантике Я. Хинтикки, на основе критики позиции неопозитивизма и инструментализма, разрабатывается идея активного характера человеческого познания, теоретико-игровая интерпретация логики. Грамматическая структура предложения рассматривается как игровая ситуация, в основе которой лежит субъективное, личностное восприятие реальности. Таким образом, онтологически различные языковые модели формируют возможные миры [7].

В философии постмодернизма, который также заменяет модель жесткого дискурса вариативностью игры, показано изобилие языкового акта, отличающего вербальное изложение от представления. Так, Ж. Деррида, выступая с критикой классической западноевропейской метафизики бытия-присутствия, утверждает идею «переклички» текстов, необоснованность претензий языка на строгость и однозначность. Отрицая существование «живого настоящего» он рассматривает бытие как движение, дополнение и замещение.

Воплощением этого принципа гетерогенности, по утверждению Дерриды, является текст, складывающийся из парадоксальных значений, не сводимых во единое. Его «вавилонская башня» выявляет «невозможность... завершить что-либо из разряда построений, архитектурной конструкции, системы и архитектоники» [8]. Родство языков доказывается посредством перевода, суть которого не в уподоблении оригиналу, а в устранении чуждости языков, выражающих одно и то же означаемое. В переводе оригинал обретает новое качество, где содержание и форма становятся неразрывным диалектическим единством.

В современной философии постмодернистской ориентации языковые игры являются фундаментальным способом реализации разнообразия языкового и социального бытия. Ж.-Ф. Лиотар утверждение универсального варианта языковой игры рассматривает в качестве основания установления определенной формы социального устройства, вытесняющего другие формы жизни. При этом, философ отрицает возможность существова-

ния универсального языка и единого типа рациональности, не соответствующих многообразию общественной практики. На основе идей социальной прагматики и анализа гетерогенных высказываний невозможно установить общие, одинаковые правила [9]. Любое высказывание можно рассматривать как «ход» в игре, т.к. речевая практика характеризуется постоянным изобретением фразеологизмов, новых слов или значений. Минимальное изменение правил на основе соглашения между игроками меняет природу игры. При этом, целью такой игры является не возможность выигрыша, а получение удовольствия от придумывания новых приемов и оборотов, что имеет место в народной речи и в литературе.

Наиболее глубоко проблема соотношения языка и речи в философии постмодернизма поставлена К.-О. Апелем. Философ считает, что эволюция взглядов Витгенштейна состоит в отказе от идеи единственного точного языка, который имеет общую логическую форму с описываемым бытием [10]. Существенными последствиями этого становится снятие абсолютизации естественнонаучного отношения к миру, заменяемого разнообразными вариантами миропонимания на основе игр, которые используют люди. Модель языковой игры рассматривается как непосредственное понимание мира, выражающееся в поступках и трудах людей, означющее отказ от обособления духовной деятельности.

Сущность языковой игры в том, что речевые высказывания выражают определенные значения и представляют особый способ их понимания. При этом, Витгенштейн считает, что разница подразумевания и понимания проявляется открыто в описании языковой игры. По мнению Апеля, Витгенштейн не сумел в полной мере решить проблему герменевтического понимания, т.к. недостаточно заменить модель языка-обозначения требованием «описания» разнообразных функций и правил игры его употребления на основе обоснования тезиса о невозможности частного, приватного языка. Противоречивость взглядов Витгенштейна состоит в утверждении, что в бесконечных и многообразных «языковых играх» нет ничего общего, кроме «семейного сходства». При этом философ ходе описания языковой игры сам в ней участвует. В ходе развития речи и социализации у каждого человека формируется навык рефлексии собственного языка как необходимой формы коммуникации.

В качестве контрольной инстанции соблюдения речевых правил может выступать идеальная языковая игра. Она предвосхищается каждым, кто следует какому-либо правилу и потому носит трансцендентальный характер. Методология трансцендентальной языковой игры, развернутая в семиотическом прагматизме Ч.-С. Пирса [11], утверждает, что с помощью языка можно рассуждать и над способами его употребления, критически воссоз-

давая в индивидуальном сознании идеальные нормы коммуникацию. Таким образом, преодолевается разрыв между классической онтологией и критической философией познания Нового Времени. Другим методологическим выводом трансформации трансцендентальной философии в русле философии языка Апеля считает снятие принципиального различия между теоретической и практической философией. В сообществе ученых конкретные «речевые акты» как проявление взаимопонимания и коммуникации заменяют действия рассудка, направленного на преодоление субъективности знания. Процесс научного познания, понятый как процесс неограниченной коммуникации, с необходимостью предполагает наличие минимальных этических требований. Больше того, осмысление моральной нормы, действующей в сообществе участников аргументации, становится,

по мнению Апеля, основой обоснования этики, что приводит к снятию различий между теоретической и практической философией. Трансцендентально-герменевтическая рефлексия над условиями возможности языкового согласования в неограниченном коммуникативном сообществе позволяет рассматривать философию как разумное единство теоретического и практического.

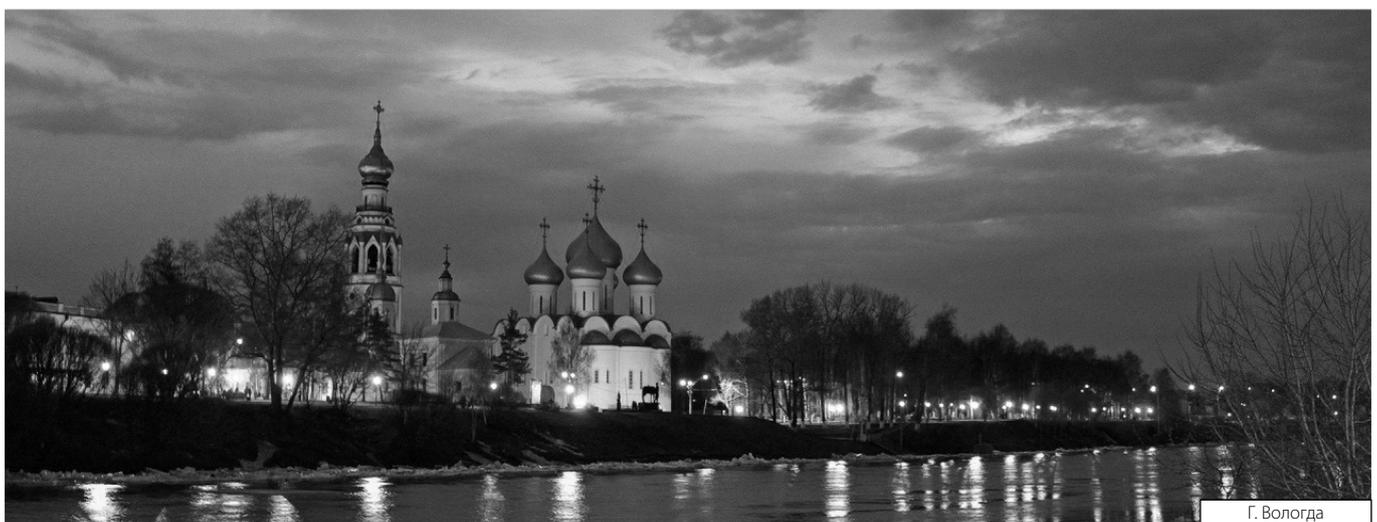
Таким образом, в философии постмодернизма «языковые игры» представляют методологическую установку, претендующую (пусть и частично) не только на анализ социальных связей, вопрос о которых сам является языковой игрой, но и решение основных онтологических и гносеологических проблем современного эпистемологического подхода к пониманию соотношения речевой деятельности, языка и речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 57.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 39.
3. Теория речевой деятельности. М., 1968; Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; его же. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974; Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М., 1975; Выготский Л. С. Мышление и речь / Собр. соч. Т. 2. М., 1982; его же. Проблема сознания. Там же. Т. 1., М., 1982.
4. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидер. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Язык как образ мира. — М.: ООО «Издательство Аст»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 266.
6. Можейко М. А. Языковые игры // История философии: Энциклопедия. С. 1344.
7. Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
8. Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен / Пер. с франц. СПб.: Академический проект, 2002. С. 10.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодернизма / Пер. с фр. М.: Институт Экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 1998.
10. Апель К.-О. Трансформация философии. Пер. с нем. М.: «Логос», 2001. С. 85.
11. Пирс Ч. С. Закрепление верования. Как сделать наши идеи ясными // Вопросы философии. 1996. № 12.; Peirce Ch/ S/ Collected Papers/ V/ 1–8/ Cambridge, Mass., 1931–1958.

© Агафонов Евгений Александрович (evgenagafonov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Вологда